

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ**HISTORY STUDIES**

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-1-52-92

УДК 811.111 + 930.2

**ОРИЕНТАЛИСТСКИЕ НАРРАТИВЫ
В АМЕРИКАНСКОЙ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКЕ
В РОМАНАХ ЦИКЛА «ДЮНА»***Кирчанов М.В.*

Автор анализирует тексты цикла «Дюна» в контекстах пост-колониального подхода как метода, позволяющего конструировать и деконструировать «ориентальные» нарративы.

Цель. *Целью статьи является «ориенталистская» реинтерпретация текстов цикла «Дюна».*

Методы. *Автор использует методологический инструментарий, предложенный интеллектуальной историей и исследованиями национализма, включая концепцию изобретения традиций, которая позволяет анализировать ориентальные образы как одну из изобретенных традиций американской научной фантастики на примере текстов цикла «Дюна». Ориентализм как метод в данной статье используется для анализа текстов Фрэнка Херберта, Брайана Херберта и Кевина Андерсона, вдохновленных восточными стимулами и актуализирующих многочисленные образы, которые традиционно определяется как арабские. Автор полагает, что ориенталистский подход может стать эффективной исследовательской оптикой и интерпретационной моделью для междисциплинарного анализа американской научной фантастики.*

Результаты. *Проанализированы внешние социальные и политические стимулы, которые сыграли определяющие роли в генезисе и возникновении ориенталистских мотивов в американской*

массовой литературе второй половине 1960-х гг. Изучены ориентальные прототипы и праобразы героев цикла «Дюна». Проанализированы основные проявления и формы внешней ориентализации текста, представленные многочисленными лингвистические ориентализмами арабского происхождения. Особое внимание уделено внутренней ориентализации текста – социальным, политическим и религиозным попыткам интерпретации джихада в американской массовой культуре. Тексты цикла «Дюна» реинтерпретированы в рамках ориенталистской парадигмы как возможной модели объяснения и интерпретации американской массовой культуры.

Ключевые слова: Фрэнк Херберт; Брайан Херберт; Кевин Андерсон; «Дюна»; ориентализм; ориентализация; интеллектуалы; ориентальные образы; джихад

ORIENTALIST NARRATIVES IN AMERICAN SCI-FI PROSE IN THE DUNE NOVELS

Kyrchanoff M. W.

The author analyzes the texts of the cycle Dune in the contexts of the postcolonial approach as a method for constructing and deconstructing “oriental” narratives.

Purpose. *The aim of the article is an “orientalist” reinterpretation of the texts of the Dune cycle.*

Methods. *The author uses the methodological tools offered by intellectual history and studies of nationalism, including the concept of the invention of traditions, which allows to analyze oriental images as the invented traditions of American science fiction in texts of the Dune cycle. Orientalism as a method in this article is used to analyze the texts of Frank Herbert, Brian Herbert and Kevin Anderson, inspired by oriental stimuli because they actualize numerous images traditionally defined as Arabic. The author believes that the Orientalist approach can be an effective research optics and interpretive model for interdisciplinary analysis of American science fiction.*

Results. *The external social and political incentives that played a decisive role in the genesis and emergence of Orientalist motives in American mass literature in the second half of the 1960s are analyzed. The oriental prototypes of the heroes of the Dune cycle have been studied. The main forms of external orientationalization of the text, represented by numerous linguistic orientalisms of Arabic origin, are also analyzed. Particular attention is paid to the internal orientalization of the text. Social, political and religious attempts to interpret jihad in American popular culture are also studied. The Dune cycle is reinterpreted within the Orientalist paradigm as possible model for explaining and interpreting American popular culture.*

Keywords: *Frank Herbert; Brian Herbert; Kevin Anderson; Dune; Orientalism; Orientalisation; intellectuals; oriental images; jihad*

Введение

Популяризация термина «ориентализм» и его активное использование в академической литературе связано с одноименным исследованием Эдварда Саида, впервые изданным в 1978 г. [72]. Книга оказалась не только спорным текстом, но и фактически культурным проектом одновременно, вызвавшим различные отзывы и критические оценки, спектр которых варьировался от поддержки автора до неприятия его идей, а также важным интеллектуальным стимулом, вдохновившим новые работы, повторяющие, симулирующие и / или имитирующие методологию, предложенную Э. Саидом [11; 12] во второй половине 1970-х гг. [71; 81; 82; 83].

Традиционно в академической литературе культурное и интеллектуальное влияние и воздействие «Ориентализма», с одной стороны, анализируется в контекстах истории и литературоведения, а с другой, географически и тематически ограничивается антиколониальными восточными, африканскими или балканскими националистическими движениями, культурными и интеллектуалами практиками и стратегиями колонизированных / колонизируемых в их борьбе против колонизаторов или постколониальными националистами как попытками ревизии колониального опыта и демонтажа

колониального наследия. В целом, к концу 2010-х гг. интеллектуальная мода на постколониальный подход и соответствующую «ориенталистскую» стилистику академических текстов в значительной степени успела ослабнуть по сравнению с предшествующими годами [19; 57; 59; 63; 64; 70].

Постколониальный анализ стал своеобразной изобретенной историографической традицией [7; 8; 10], оставшись важным элементом культурной и интеллектуальной западной истории второй половины 20 в. Процессы деколонизации и распада авторитарных режимов в Восточной Европе в конце 1980-х гг. обеспечили историков и литературоведов с многочисленными сюжетами, актуальность и злободневность которых к 2020 г. в значительной степени должна была сократиться, что отчасти и произошло, т.к. в ряде случаев «ориенталистская» стилистика академических текстов начинает восприниматься и осознаваться как анахронизм, хотя репутация ориентализма как историографического направления и / или историографической изобретенной традиции по-прежнему признается сторонниками этого подхода.

Цель и задачи статьи

Целью статьи является «ориенталистская, т.е. постколониальная реинтерпретация текстов Фр. и Б. Хербертов и К. Андерсона (в силу того, что таковой в историографии они еще не подвергались), а задачами – анализ культурных истоков литературного «ориентализма» в американской научной фантастики, исследование внутренних и внешних форм ориентализации текста как его интеграции в постколониальный дискурс, а также изучение культурных влияний ориенталистского дискурса в фантастической прозе, редуцированной до текстов, формирующих цикл «Дюны».

Сформулированная выше цель определяет и методологию настоящего текста, которая не является ориенталистской и тем более постколониальной, представляя собой в большей степени попытку деконструкции восточного / исламского мифа, созданного другими исследователями «Дюны» [73; 85], которые были в большей степе-

ни склонны конструировать ориенталистские мотивы, нежели деконструировать таковые.

Анализ условного, «воображаемого» ориентализма текстов, связанных с миром Дюны, будет наиболее эффективен в рамках интеллектуальной и культуральной истории, а также археологии идей. Именно в этом контексте ориентализм прозы Фр. и Б. Хербертов и К. Андерсона может быть описан в категориях как процесса «изобретения традиций», так и функционирования и воспроизводства «изобретенных традиций» в литературных текстах через призму теории постколониальности. С формальной точки зрения, историография постколониальных литератур значительна [20; 26; 28; 29; 31; 58], но практически никто из историков и культурологов не пытался анализировать тексты, относящиеся к циклу «Дюны в рамках теории постколониальности. Вклад Фр. Херберта в развитие образов Оrients в западной культуре в ее массовой версии был проигнорирован. Это стало следствием или инерции, заложенной уже Э. Саидом, который еще в конце 1970-х гг. ограничил возможный источниковый корпус условной воображаемой классикой.

Проблемы методологии и источникового корпуса.

Историография

Кризис ориентализма как интерпретационной модели: ревизия канона как часть его реанимации. Анализируя то состояние, в котором к началу 2020-х гг. оказались подходы, известные в литературе под родовыми именами «ориентализм» и «постколониализм», вероятно, имеет смысл констатировать их кризис в качестве интерпретационных моделей, ранее претендовавших если не на универсальность, то как минимум на доминирование в определенных сегментах историографии. Кризис направления стал следствием целого ряда факторов. В 2003 г. скончался создатель этого подхода. Тексты, которые воспроизводили ориенталистский дискурс или имитировали его, выходили преимущественно в 1980–2000-е гг. Интерпретационная модель, предложенная в «Ориентализме», оказалась не столь эффективной как другие идеи, возникшие в истори-

ографии несколькими годами позднее, включая концепции «воображаемых сообществ» [18] и «изобретения традиций» [77].

Фактор, связанный с противоречивыми политическими предпочтениями Э. Саида и его несколько спорной репутацией, также не могли содействовать росту популярности предложенной им концепции. В целом, к 2020 г. ориентализм, с одной стороны, успел стать частью интеллектуальной истории западной историографии, а с другой – число подлинных «ориенталистов» и последовательных популяризаторов этого подхода сократилось. В такой ситуации попытки ревизии постколониального анализа становятся актуальными.

Для реанимации постколониализма (если таковая ему, конечно, необходима) возможно применение двух стратегий. Мы можем вновь и вновь использовать «ориенталистский» подход и связанный с ним язык в рамках анализа его традиционных сюжетов, т.е. антиколониальных интеллектуальных и националистических политических активностей и культурных практик, что представляется не столь эффективным в силу того, что мы обречены на вторичность. Если мы хотим не возродить постколониализм (т.к. это слишком амбициозно), но придать новые стимулы междисциплинарным исследованиям, более рационально и целесообразно использовать «ориенталистский» подход для изучения таких текстов, к которым он ранее практически не применялся, или его использование имело ограниченный характер.

Речь идет о попытке интерпретации или ревизии в стилистике, предложенной в рамках постколониального подхода, смыслов и значений романов американского писателя-фантаста Фрэнка Херберта [14; 61; 76; 78], формирующих цикл «Хроники Дюны» [50; 51; 52; 53; 54; 55], а также текстов, вдохновленных оригинальным циклом и написанных сыном писателя Брайаном Хербертом и его соавтором Кевином Андерсоном [40; 41; 42; 43; 44; 45; 46; 47; 48; 49].

Ориентализм и постколониализм в историографических ситуациях 2020-х гг. Несмотря на формальное признание постколониального подхода как одного из универсальных языков гуманитарного знания и закрепление за ориентализмом статуса в культурной

и интеллектуальной истории науки и археологии идей, к 2020-м гг. статус и положение этих подходов в гуманитарных науках было спорным. Если ориентализм ассоциировался с западными попытками воображения Востока как Оrients в категориях «подчинения», «подавления» и «доминирования», то постколониализм, наоборот, имел репутацию универсального метода, призванного деконструировать негативное влияние Запада в восточном мире путем как демонтажа, так и ассимиляции западных интерпретационных моделей одновременно.

Комментируя особенности развития этих подходов в гуманитарном, болгарский историк Н. Аретов подчеркивает, что «в классическом случае модернизм возникает в современном обществе и связан с людьми, которые имеют современные идеи для мира, которые нашли свое выражение в своих работах. Или, другими словами, модернизм – это не только совокупность текстов, он подразумевает определенный социальный и культурный контекст, определенное мировосприятие и существование традиции, которая должна быть отвергнута». Подобная редукция модерна до исключительно западного интеллектуального канона вовсе не исключает, что могут возникнуть и незападные формы модерна как интерпретационной модели. Поэтому, «современное общество может стимулировать некоторые (частично) современные идеи для мира представителей наций и этнических групп, где процесс модернизации не завершен» [9, с. 12].

К числу таких модернистских по своей природе моделей интерпретации могут быть отнесены постколониализм и ориентализм. Разводя эти две категории, которые начиная с конца 1970-х гг. успели стать изобретенными историографическими традициями, во внимание следует принимать и то, что ориентализм постепенно редуцировался до частного случая постколониального подхода, став одной из страниц его интеллектуальной истории и археологии идей. На протяжении 2000-х гг. стали заметны кризисные тенденции в функционировании постколониального анализа, т.к. категории «постколониализм» и «ориентализм» начали «извлекаться» из традиционных арабских контекстов, трансплантируясь в балканские

и западные культурные пространства, что позволило некоторым авторам указывать на кризис подхода.

Арабские интеллектуалы, которые, начиная с конца 1970-х гг. не только стремились интегрировать постколониальную модель эпистемологии, но и пытались ассимилировать ее, были вынуждены от раннего восхищения перейти к констатации кризиса. На современном этапе они нередко предпочитают конструировать свой проект постколониального модерна как гуманитарной эпистемологии через деконструкцию западного модерна. В. Халлак полагает, что большинство «проявлений кризиса, которые были созданы модернистским проектом, и его когнитивными системами, нуждаются в пересмотре, включая уничтожение окружающей среды, глобальный империализм, отрицающий человечность людей, создание фатальных политических образований, отравление источников пищи и воды, уничтожение биоресурсов, социальная дезинтеграция и усиление суверенного индивидуализма, нарциссизм и психические заболевания, связанные с эпидемическим ростом самоубийств» [65]. Постколониальный модус описания идентичностей и анализа культурных ситуаций постепенно утратил свою более раннюю географическую ограниченность, начал активно использоваться как универсальный язык для изучения западных сюжетов, редуцированных из политических и культурных штудий Ближнего Востока до различных форм массовой культуры современного западного общества, где ориентальные и постколониальные мотивы оказались достаточно широко представлены в научно-фантастическом дискурсе массовой культуры общества потребления, включая тексты, формирующие цикл романов «Дюна» Фр. Херберта и его наследников.

От источникового корпуса к лингвистической модели интерпретации ориентализма в западной научной фантастике. Источниковый корпус статьи представлен текстами Фр. Херберта и его продолжателей, относящихся к циклу «Дюны». К 2020 г., т.е. моменту издания последнего романа цикла, в его состав вошло 19 произведений, опубликованных в период между 1965 и 2016 гг. [40-49;

50-55]. Статья не позиционируется ни в качестве позитивистской по методу написания, ни вводной в проблематику постколониального и ориенталистского в «Дюне». Автор не считает необходимым пересказывать сюжеты анализируемых текстов, т.к. предполагается знакомство с ними потенциального читателя. Интерпретация источникового корпуса статьи актуализирует ситуацию конфликта между радикальной гуманитарной эпистемологией, которая по своей природе междисциплинарна, и рецидивами позитивистского описательного подхода [3; 4], основанного на склонности к изоляции гуманитарного знания в пределах ограниченного сообщества, неудачных и неясных формулировках, ошибочных утверждениях и невнятных конструкциях, унаследованных от советской модели гуманитарного знания, воспроизводстве идеологически и политически мотивированных клише, что сочетается с незнанием новейшей научной литературы.

Комментируя общие закономерности функционирования исторического знания в современном обществе, российский историк М. Кром полагает, что рано или поздно «деконструкция базовых понятий, на которых строилась вся концепция истории и историографии», ставит историков «в очень непростое положение»: они, с одной стороны, «могут разрабатывать частные сюжеты, пользуясь языком источников для построения нарратива», но, с другой, им явно будет не хватать «понятийного аппарата для серьезных обобщений» [6, с. 110]. Подобные кризисные симптомы заметны и в значительной части текстов, составляющих «твердое ядро» описательного литературоведения, редуцирующего анализ до описательно реферативности, хотя возможна и иная перспектива изучения ориентального и постколониального в текстах цикла «Дюны». Специфика источникового корпуса, представленного текстами, возникшими в рамках американской массовой культуры, а также историографическая традиция использования постколониализма для изучения географически гетерогенных культурных ситуаций определили особенности академического дискурса междисциплинарных постколониальных штудий.

На своем пути к постколониализму как языку исторического воображения с претензиями на универсальность интеллектуалы не избежали влияния структурализма, основанного на синтезе «лингвистики как дисциплины-образца и двух господствующих дисциплин – социологии и этнологии, и двух авторитетных доктрин – марксизма и психоанализа», нового историзма, критической парадигмы, позволившей провести «резкую границу между научным и обыденным знанием, имплицитно основанной на антропологическом пессимизме», интерпретационного поворота, который дал историкам «возможность не ограничивать себя ложной альтернативой между ориентированной на монокаузальную схему научностью и эстетизирующим отклонением от нее» и, как результат, «отказом от основанного на детерминистских посылках проекта тотальной истории», когда «историки обратились к изучению отдельных объектов прошлого» [1, с. 11-13].

В этой ситуации представленная статья фактически воспроизводит травмы речевого рождения постколониализма на стыке политического протеста колониальных интеллектуальных сообществ и интеграцией их методологического языка в фактически чуждый западный инструментарий, который воспроизводит свои интерпретационные модели, где концепты «воображение» и «изобретение», а также их производные становятся центральными нарративами. Комментируя эту особенность академического языка современной историографии, У. Абу Иршид полагает, что большая часть такой терминологии является политически и идеологически «сфабрикованной» [80], а В. Кандил указывает на то, что «никто не в состоянии конкурировать с арабскими элитами в деле использования терминов... складывается впечатление, что арабы добровольно и мирно сами заперли себя в холокосте терминов и классификаций, циркулирующих в течение почти целого века в условиях преобладания моделей множественной культуры поглотившей арабский регион в форме колониальных определений и теорий, воспринятых некоторыми элитами почти как священные тексты» [84], что автоматически переносится к академический дискурс, воспринимаемая

не только арабскими, но и западными авторами как часть лингвистического канона постколониального анализа, которому необходимо следовать.

Фактически в представленной статье предпринимается попытка применить категории постколониализма для изучения цикла «Дюны» как культурного явления, которое возникло не в постколониальном обществе, но в содержательно других культурных пространствах, наоборот, ассоциирующихся с феноменом навязывания колониализма. При этом автор признает, что в определенной степени оказался, как и другие исследователи, перед дилеммой выработки языка и модуса описания изучаемой проблематики. В этой ситуации, трансплантируя категорию постколониальности из восточных контекстов в американскую массовую культуру, мы рискуем оказаться заложником лингвистических ярлыков, сгенерированных не нами, но западными культурными фобиями [35].

Фобия и предубеждение сторонников позитивизма перед лингвистическими особенностями постколониального дискурса, основанного на воспроизводстве гранд-нарративов «воображения» и «изобретения», представляется неуместной. Поэтому, комментируя роль гранд-нарративов в развитии исторической науки, российский историк П. Уваров смог, вероятно, сформулировать одну из их универсальных характеристик, подчеркнув, что его «особенно веселят разговоры о “смерти больших нарративов истории”, таких как “нации” или “классы”». Насчет классов не знаю, а вот нации вовсе не собираются сходиться с подмостков историографической сцены, скорее, наоборот. Не говоря уже о государствах и конфессиях» [2, с. 60]. Трансплантируя это предположение, в контексты данной статьи, вероятно, следует признать, что по своей природе гранд-нарративы «воображения» и «изобретения», заимствованные нами из конструктивистской историографии, столь же адекватно могут описать ситуации постколониальности и проявления ориентального канона в американской научной фантастике, редуцированного в представленном тексте до цикла «Дюна», как и сугубо описательные и национально замкнутые практики несоветского литературоведения.

Анализ ориентального и постколониального в текстах цикла «Дюны», вероятно, представляется невозможным без актуализации больших нарративов современной историографии, выработанных при описании восточного в западной массовой культуре. Эти нарратива российским историком Н. Копосовым определяются как «коллектив-сингуляры», т.е. «индивидуальные собирательные имена» [5, с. 80]. Если в случае с западной историографией такими собирательными именами стали «дворянство», «крестьянство» или «революция», то в арабском историческом воображении их место заняли категории «модерна», «ориентализма» или «колониализма», которые автоматически переносятся в современные постколониальные междисциплинарные исследования. Если «современность внесла в легитимность человеческого общества то, что политическое по определению представляет собой набор верований и мифов, наиболее важным из которых является проблема идентичности – мифа о необходимости соответствия между государством и коллективной идентичностью его граждан» [68], то постколониальность в современной массовой культуре, включая тексты цикла «Дюна», редуцируется до попыток деконструкции этих категорий.

Ориентальное в «Дюне»:

социальные и политические стимулы, проблемы прототипов

Если воспринимать тексты, формирующие цикл «Дюны», как в большей или меньшей степени ориенталистские, во внимание следует принимать и внешние политические, социальные и культурные контексты их появления на американском книжном рынке. Вероятными внешними побудительными мотивами, которые стимулировали Фр. Херберта интегрировать арабские мотивы в дискурс американской научной фантастики в форме ориентализма, стали события в арабском мире 1960–2020-х гг., включая процессы политической консолидации и модернизации арабских стран, революционные социалистические эксперименты в ряде государств региона, как подавление, так и ответный рост исламского фундаментализма и политического ислама, рост национализма и попытки трансплан-

тации нации и нации-государства как политических универсалий в арабские политические и социальные пространства, военные конфликты как между арабскими государствами, так и Запада с ними, революции и тенденции дестабилизации в регионе. На генезис «Дюны» повлияли «исламское богословие, мистицизм и история арабского мира» [32]. Кроме этого в качестве отдельного фактора следует упомянуть Исламскую революцию в Иране, и хотя Иран не является арабской страной, это событие, тем не менее, самым существенным образом повлияло на формирование восточных образов в западных идентичностях, определив векторы и траектории развития литературного ориентализма в американской научной фантастике. При этом, вероятно, будет упрощением и схематизацией искать в текстах, входящих в цикл «Дюны», отражение конкретных событий новейшей арабской истории.

Если воспринимать тексты Фр. Херберта и его литературных наследников и продолжателей как постмодернистские, то мы имеем дело с текстами-конструктами и симулякрами, которые не только воспроизводят ориентализм, но и подвергают его определенной ревизии в соответствии с канонами и запросами массовой культуры как интеллектуальное место памяти западной литературной традиции, имитируя и симулируя ориентальные, в данном случае – арабские, мотивы и образы.

Если воспринимать тексты, формирующие цикл «Дюны», как произведения, отражающие политические, социальные, культурные и религиозные процессы периода их написания, то актуальным становится вопрос о реальных исторических прототипах героев как классического первого романа [33], так и его более поздних продолжений или приквелов, написанных как Фр. Хербертом, так и его наследниками. Содержание романов достаточно подробно проанализировано в имеющихся немногочисленных научных публикациях [61; 76], кроме этого тексты Фр. Херберта были трижды экранизированы [21; 22; 23; 24; 27; 38; 75], что освобождает автора статьи от пересказа этих текстов, позволяя сосредоточиться на анализе возможных прототипов основных героев,

включая Пола Атрейдеса или Муад'Дибя и падишаха-императора Шаддама IV Коррино.

Если основными моментами в политической и религиозной биографии Пол Атрейдеса или Муад'Дибя были рождение от наложницы в аристократической семье и принадлежность к элите Империи, установление контактов с местным населением планеты Арракис, превращение в их политического и религиозного лидера, победа над правительственными войсками с дальнейшим установлением авторитарного режима, основанного на религиозном фундаментализме, отречение от власти и убийство религиозными фанатиками за осуждение собственного культа, позволяет предположить, что среди его возможных исторических прототипов могли быть несколько исторических деятелей, включая

- Сейид Али Мухаммад Ширази (1820–1850, проповедник, известный как инициатор и лидер религиозного антиправительственного движения в Персии в 1844–1850-х гг.),
- Томас Эдвард Лоурэнс (1888–1935, британский археолог и военный деятель, бывший незаконнорождённым сыном аристократа, стал известен как советник арабского принца Фейсала в период антиосманского восстания 1916–1918 гг., которые привело к появлению независимых арабских государств в регионе Ближнего Востока),
- аятолла Хомейни (1902–1989, иранский богослов, пришедший к власти в 1979 г. в результате Исламской революции, установившей фундаменталистский режим).

Собирательный образ Муад'Дибя, вероятно, имеет несколько исторических прототипов, деятельность которых, таким образом, носила преимущественно религиозный характер и была связана с Ближнем Востоком. Несмотря на то, что наиболее реальные кандидаты на статус исторических прототипов Муад'Дибя были персами (а не арабами), тем не менее, некоторые траектории воображаемой биографии махди в романах Фр. Херберта можно рассматривать как проецирование исторического и политического опыта именно этих политиков.

Некоторые авторы и вовсе в качестве прототипа Муад'Дибба склонны рассматривать Мухаммеда [36; 37], что чрезмерно радикально даже для постмодернистского воображения, в значительной степени основанного на деконструкции. Комментируя особенности применения этого метода в постколониальном анализе, Г. Спивак полагает, что это – «не просто разрушение. Это также сооружение. Это критическая близость, а не критическая дистанция. Ты фактически говоришь изнутри. Это и есть деконструкция» [74], но в случае с циклом «Дюна» мы имеем дело с преимущественно западным восприятием, когда интеллигент, формально относящийся к группе колонизаторов, пытается говорить от лица колонизированных. Генезис «Дюны» условно можно связывать и с культурным эхом текстов, которые формировали привлекательный образ Востока как центра сопротивления против колонизации. В ряде случаев в качестве возможного прототипа рассматривается имам Шамиль, но такая генеалогия в значительной степени вторична, т.к. Ф. Херберт мог быть вдохновлен не самим Шамилем, а его литературным переосмыслением и конструкцией его образа в романе «Саблы рая» («The Sabres of Paradise», 1960) Лэсли Бланча [30]. В целом, образ Муад'Дибба собирателен, эклектичен и гетерогенен и в этой ситуации среди его возможных прототипов в одинаковой степени могут быть Хафез аль-Асад и Башар Асад, но такая точка зрения представляется чрезмерно радикальной, основанной на ориентализме как присвоении и трансплантации, в данном случае – переносе (причем вторичном, вызванном современной политической повесткой дня) восточных / арабских образов в контексты американской массовой культуры. В этом культурном и интеллектуальном контексте «Дюна» – совокупность постколониальных текстов, основанных на присвоении арабского как восточного и его интеграции в американские масс-культурные контексты. Причем, это постколониальное «присвоение» в ряде случаев носит вторичный характер, т.к. основано на реинтерпретации уже ранее присвоенного ориентального контента.

Принимая во внимание особенности и моменты воображаемой биографии падишаха-императора Шаддама IV Коррино, включая

противоречивую политику в сфере армии и обороны (на протяжении первых шестнадцати лет его правления число бурсегов (генералов) удвоилось, а финансирование сардукаров непрерывно сокращалось), рост расходов на чиновничий аппарат и нужды двора, увеличение числа социальных, экономических и политических противоречий, фримены на планете Арракис начали вооруженное восстание, чем фактически остановили поставки ресурсов, правительственные войска были разгромлены, к власти пришли религиозные фанатики Муад'Диба, а сам падишах-император был вынужден отправиться в изгнание) в качестве его вероятных прототипов можно рассматривать персидского царя Дария III, последнего султана Османской Империи Мехмеда VI, последнего шахиншаха Ирана Мохаммеда Реза Пехлеви.

Образ Шаддама IV в романах цикла «Дюны» актуализирует и повторяет некоторые траектории из биографий трех этих восточных политиков, что позволяет предположить, что именно незападные, но ориентальные, процессы и реалии были среди тех определяющих стимулов, которые вдохновили Фр. Херберта на создание своего цикла.

Романы, формирующие цикл «Дюны», стали формой не только ориентализма, но и постколониального сознания. В современном гетерогенном западном обществе, как полагает Х. Флинт, если «вы – человек арабского происхождения», живущий в западной стране, то «вы смиритесь с тем фактом, что вы не увидите много людей, похожих на вас, в кино, но если вы их и увидите, то они будут играть жен, таксистов или в большинстве случаев террористов» [36]. Некоторые американские критики последовательны в своих попытках интерпретации «Дюны» в контекстах постколониального анализа и, поэтому, определяют тексты Фр. Херберта как тексты-«присвоения» [37]. В данном случае, если мы имеем в виду умеренные академические тренды в историографии, речь идет о «присвоении» западным миром ориентальной специфики, в то время как сторонники радикальной эпистемологии доводят анализ процессов «присвоения» до вопросов сексуальности, гендера, цве-

та (кожи) и расы [56]. Воображаемый Запад «присвоил» Ориент с целью его дальнейшей интеграции в свою упрощенную массовую культуру, что позволило сформировать в ее рамках уникальный дискурс «мусульманского футуризма» [16] – исламского по форме, но западного по содержанию в силу своей вторичности, проистекания от присвоения и интеграции в пространства массовой культуры.

Истоки подобного «присвоения» Ориента в американской фантастике, к которой принадлежат тексты Фр. Херберта, разнообразны и их не следуют сводить до примитивной трансплантации ориентального в окцидентальный культурный контекст. Появление ориентальных образов в американской фантастике было именно их присвоением, которое привело к дальнейшей ассимиляции в соответствии с канонами массовой культуры, хотя имеют попытки сравнивать тексты Фр. Херберта с работами С. Рушди [15], что в большей степени является вольным допущением. Если «Дюну» и «Сатанинские стихи» и можно воспринимать как формы и проявления ориентализма, то они принадлежат к двум его различным версиям, актуализирующим уровни «низкой» и «высокой» культуры, если эта типология, конечно, применима к объектам исследований в рамках постколониального анализа.

Фр. Херберт в своих попытках присвоения Ориента продолжает традиции Просвещения, т.к. именно этой эпохе коллективный Запад обязан тем научным инструментарием и теми интерпретационными моделями, которые позволили сформировать ориенталистский канон в западном культурном и историческом воображении. Болгарский французский философ Ц. Тодоров, комментируя роль Просвещения, полагал, что именно оно создало «идеологические основания европейского колониализма», утвердив идею «единства человеческого рода и, следовательно, универсальность ценностей» [13, с. 25]. Поэтому некоторые американские критики арабского происхождения, например Лейла и Зейна Уджайли [79], не только склонны воспринимать тексты «Дюны» как ориенталистские, но и указывают на то, что американская научная фантастика, актуализирующая арабские мотивы, стала формой легитимации внешней

политики, с которой масс-культовых писателей роднит способность игнорировать аутентичную арабскую культуру и предпочитать не слышать критические отзывы ее носителей. Возможно, что именно вера в универсальность ценностей позволила Фр. Херберту превратить вообразенную религию, которая фактически представляла модифицированный ислам (что не исключает попыток интерпретации «Дюны» в христианско-центричной системе координат [62]), в коллективного героя, сделав фрименов, как идеальных мусульман, носителями тех универсальных ценностей (социальная справедливость, право борьбы против несправедливого режима, осознание необходимости защиты экологии), дефицит которых испытывали сами американские интеллектуалы в реалиях США 1960–1980-х гг.

Цикл «Дюна» в этом отношении интересен как именно ревизионистская попытка сложившегося канона: фримены, прототипами которых были арабы, актуализируют ценности и добродетели отваги и доблести, а махди, лидер религиозных фундаменталистов и фанатиков, и вовсе оказывается человеком, изначально принадлежащего к другому сообществу, в описании которого прозрачно просматриваются черты западного общества. В этой идеализации арабов Фр. Херберт и его наследники выступают как ориенталисты, потому что сами конструируют свой собственный вообразенный мир с явными арабскими элементами, но попытка подобной конструкции в целом оказывается составной частью ориенталистского канона, важным элементом которого является присвоение, т.к. и Фр. Херберт и его продолжатели предпочли игнорировать аутентичные арабские источники, несмотря на то, что именно арабские интеллектуалы в тех проблемах, которые затрагивает цикл «Дюны», могут рассматриваться как «выдающиеся эксперты и жертвы одновременно», т.к. «под влиянием колониальной эксплуатации Ближнего Востока для добычи нефти оригинальный роман Фрэнка Герберта опирается на арабскую и исламскую историю, чтобы исследовать эксплуатацию ресурсов и угнетение» [79], чего, по мнению сторонников постколониального анализа, явно недостаточно. Аналогичные претензии сторонники постколониальной теории предъявляют

и экранизациям «Дюны», настаивая на том, что «в фильме, критикующем эксплуатацию ресурсов пустыни, населенной коренными народами, которые носят одежду Магриба, говорят по-арабски и фактически совершают пародию на исламское богослужение, арабские актеры не произносят ни слова, осуждающего империализм или эксплуатацию» [79]. Поэтому приверженцы ориенталистского прочтения текстов из цикла «Дюна» склонны полагать, что опора на арабский опыт не столь важна, как сочувствие в отношении арабского национализма как формы социального и национального протеста. В этом контексте тексты «Дюны» и вовсе превращаются в постколониальные, т.к. ответственность за проблемы Арабского Востока и его религиозную радикализацию возлагается на внешние силы, некий коллективный воображаемый Запад.

Внешняя ориентализация текста: лингвистические ориентализмы

Если ориентализм в западной литературе 19–20 вв. основан на использовании восточных образов, их упрощении и интеграции в европейские и американские культурные пространства в качестве культурных или символических товаров, то Фр. Херберт и его последователи не только использовали восточные / ориентальные мотивы, но и сконструировали на их основе мир, который в реальности никогда не существовал. В этой ситуации мир Дюны – это мир-конструкт, основанный на переосмыслении более раннего западного опыта литературной ассимиляции Оrients и его интеграции в научно-фантастический дискурс американской массовой литературы.

Если западные авторы, предшественники и современники Фр. Херберта, в своих текстах в большей или меньшей степени отражали социальные, культурные и религиозные особенности реального Оrients, то Фр. Херберт от этих формальных ограничений был фактически свободен, но, по логике Э. Саида, согласно которой каждый ориенталист создает и конструирует свой собственный Оrients [4, с. 7-9], американский автор, хотя и не относился к сфере

интересов В. Саида, предпочитавшего анализировать другие тексты [5], именно это и сделал, используя образы истории Востока для их интеграции в не существовавшие, но им же воображенные реальности.

Известно, что Фр. Херберт интересовался Ближним Востоком, и в определенной степени ориентальные образы в его текстах могут быть определены как проекция или развитие именно этого интереса. Несмотря на то, что все тексты Фр. Херберта, относящиеся к циклу «Дюны», и произведения его продолжателей написаны на английском языке, с лингвистической точки зрения тексты в определенной степени ориентализированы [25]. Вероятно, такая ориентализация текста может быть определена как внешняя в отличие от внутренней, представленной ориентальными образами и мотивами научной фантастики как сегмента американской массовой культуры.

Вселенная Дюны, как и других подобных проектов американской массовой культуры, отличается значительной степенью детализации, в том числе и языка обитателей планеты Арракис. Большинство терминов фрименов, которые упоминаются в текстах Фр. Херберта и его продолжателей, генетически восходят к арабскому языку, точнее, его йеменскому и сирийскому диалектам, а сами фримены позиционируются как потомки землян-суннитов, переселившихся на другие планеты. Подобная этимология терминов из текстов Фр. Херберта признается многими исследователями и критиками, но некоторые определяют использование им арабизмов как «некорректное» [34]. Топоним «Карфаг» (англ. Carthag) этимологически восходит к семитскому «Карфаген». Ориентальная (арабская и персидская) этимология религиозных терминов «махди», «падишах» (перс. «великий царь», «царь царей») относительно прозрачна, хотя название системы верований воображаемой вселенной Дюны, «дзенсунни» («Zensunni» или «Nilotic al-Ourouba») представляет в большей степени конструкт, имеющий арабскую этимологию. Другая социальная и религиозная терминология Вселенной Дюны, включая «Муад' Диб» (англ. Muad'Dib, араб. «воспитанный»),

«бакка» (в английском оригинале – «bakka», плакальщица), «Китаб аль-Ибар» (Kitab al-Ibar, «книга объяснений»), «ихван» («ichwan» от араб. «эхван» – «братство»), «Лисан аль-Гаиб (Lisan al-Gaib, араб. «нездешний язык», или «Глас из Внешнего Мира») этимологически восходит к арабскому языку.

Значительная часть терминологии в романах Фр. Херберта, включая Шай-Хулуд (Песчаный червь), восходит к языкам семитской семьи, означая искаженное арабское «шах-е-хулуд» или «владыка вечности». Термин «Сайядина» («Sayyadina» в оригинальном английском тексте, «подруга Бога») также имеет истоки в языках семитской семьи. Аналогичную этимологию имеет и терминология («Аш!» – «Налево!»; «Гейрат!» – «Вперёд!»; «Дерш!» – «Направо!»; «Хайй-ио» – «Пошёл!»), связанная с управлением червями. Терминология, описывающая войну в целом («джихад», в английском оригинале – «jihad»), а также воинскую этику («тахадди» – вызов на смертельный поединок, «тахадди аль-бурхан» – испытание, не подлежащее отмене), в частности, в романах из цикла «Дюны», имеет арабское происхождение. Воинские должности в мире «Дюны» (федайкины, сардукары, бурсег, батор, башар) также отличаются арабской или более широкой восточной этимологией. Термин «Квисац Хадерах», обозначающий в мире Дюны результат генетических экспериментов, восходит к ивритскому «китцур хадерекх» («сокращающий путь»).

**Внутренняя ориентализация текста:
воображение / изобретение сообществ и социальные,
политические и религиозные измерения джихада**

Среди коллективных героев «Дюны» особое место принадлежит фрименам – одному из удачных примеров воображения сообществ и изобретения традиций в литературе. Реальные исторические истоки, культурные археологии, религиозные и политические генеалогии фрименов как сообщества в значительной степени разнообразны и гетерогенны. В самом общем плане, точнее, в религиозном смысле, историческими прототипами фрименов могут

быть определены мусульмане-шииты, а в этническом плане – арабы и берберы.

Воображая мир Дюны, Фр. Херберт и его последователи использовали реальные этнические общности и группы арабского мира. Известно, что среди групповых героев проекта особое место занимают фримены, которые несмотря на английские корни этого этнонима, имеют больше арабских, чем европейских черт и особенностей. Конструируя социальные, культурные и религиозные реалии фрименов, Фр. Херберт и его последователи в целом пребывали в рамках ориенталистского дискурса, используя арабские и мусульманские реалии, хотя некоторые исследователи интерпретируют их религиозный протест в категориях «крестового похода» [22].

В целом, фримены как воображаемое сообщество в прозе, тематически принадлежащей к циклу «Дюны», отличаются некоторыми приписанными им особенностями реальных восточных западных групп, среди которых наличие института правителей – наибов (в реальности существовавшего в средневековых странах с численным преобладанием мусульман). При этом некоторые критики указывают на то, что Фр. Херберт не конструировал образы фрименов в рамках ориенталистской парадигмы [60], полагая, что в текстах самого писателя и его наследников они нуждаются во внешнем управлении и, следовательно, их не нужно цивилизовать как классических колонизированных или колонизируемых. В литературе, сфокусированной на культурном анализе «Дюны», в качестве их прототипов воспринимаются берберы [17]. Кроме этого, в качестве прототипов / прообразов фрименов могут рассматриваться и исмаилиты, с которыми их сближает склонность к актуализации социального и принципов свободы воли в религиозном учении.

В этом контексте ориентализм прозы Фр. Херберта отличается значительными особенностями и практически не имеет точек соприкосновения с классическим ориентализмом «высокой культуры», который формировал образы Востока как экзотического и универсального Другого. В то время, когда классические ориенталисты в западных литературах 19 – первой половины 20 в. «дегума-

низируют жителей Востока и лишают их качеств “культурности”, “образованности” и “предприимчивости”» [30], то Фр. Херберт конструировал образы фрименов с использованием элементов ориенталистского языка, наделяя их арабскими чертами и особенностями, актуализируя тем самым их социальную сознательность в их противостоянии с системой.

Одним из центральных ориентальных мотивов в прозе Фр. Херберта и его наследников является джихад, т.е. насилие, в той или иной мере опирающееся на религиозные формы легитимации. При анализе конфликтных измерений классической «Дюны» во внимание следует принимать и то, что в историографии предлагались и альтернативные прочтения конфликта как классового, а не религиозного. Поэтому некоторые авторы склонны видеть в насилии «Дюны» не джихад, а социальную революцию [67]. Что касается Фр. Херберта, то он был знаком с многозначностью понятия «джихад» в исламской традиции, хотя его восприятие этого явления предусматривало сочетание религиозных и классовых мотивов. Если в исламе понятие джихад имеет двойственное значение, означая не только борьбу против неверных, но и борьбу против собственных пороков, то Фр. Херберт и его наследники актуализировали в своих текстах оба эти измерения джихада.

Мотивы джихада в текстах классического цикла прослеживаются в романах «Дюна» и «Мессия Дюны», где мотивы священной войны переплетаются с политической риторикой социального и религиозного сопротивления против авторитарного режима с целью дальнейшего освобождения и утверждения теократического порядка как формы устройства, которая некоторыми интеллектуалами воображалась как более справедливая. Вероятно, центральным текстом в постклассический период, который актуализирует образы джихада, следует признать «Дюна: Батлерианский Джихад», опубликованный в 2002 г. Примечательно различное отношение в американском обществе к самой проблеме джихада в период между выходом первых текстов и романа 2002 г, написанного уже наследниками Фр. Херберта.

Если в 1960-е гг. понятие «джихад» в США было знакомо только профессиональным ориенталистам, которых было сравнительно немного, то к концу 1970-х гг. образы ислама подверглись определенной политически и идеологически мотивированной демонизации (что стало результатом Исламской революции в Иране в 1979 г.). В первой половине 2000-х концепция «джихада» успела стать составным элементом негативных образов ислама как универсального Другого, что было вдохновлено террористическими актами 11 сентября. Тем не менее, проза как Фр. Херберта, так и его наследников не позволяет заключить, что американские интеллектуалы воспринимали джихад (а через него и ислам) исключительно негативно.

Появление и развитие подобных мотивов в американском интеллектуальном дискурсе 1960 – 1970-х гг. свидетельствует об одновременном сосуществовании и софункционировании ряда тенденций, среди которых 1) романтизированное и идеализированное восприятие ислама, 2) солидарность с арабами-мусульманами в их борьбе как против местных авторитарных режимов, так и угрозы со стороны поддерживаемого тогда США израильского сионизма, 3) склонность к критической оценке, неприятию и даже отрицанию американской капиталистической системы, которая некоторым авторам в США могла казаться нравственно неправильной в сравнении с идеализируемым ими же арабским Востоком.

В этом контексте ориентализм в американской научной фантастике возникал не только как часть собственно интереса к Востоку как Ориенту, но и как проявление недовольства внутривосточной ситуацией в США. «Дюна: Батлерианский Джихад» представляет собой, вероятно, центральный текст в актуализации образов джихада в современной американской фантастической литературе, точнее, в ее ориенталистском течении, если таковое и существует. Если тексты как классической «Дюны», так и «Дюны: Батлерианского Джихада» и содержат образы джихада (анализируя тексты в рамках конструктивистской парадигмы, мы обречены на то, чтобы проецировать в них исламские образы джихада, что фактически является приписыванием смыслов литературному произведению, которые автор / авторы могли

в него и не вкладывать), то они могут быть описаны / интерпретированы / деконструированы в категориях антропологизации религиозного учения фрименов, в основу которого Фр. Херберт положил некоторые идеи шиитского ислама, что в первой «Дюне» и других текстах проекта представлено в учении Махди или Муад'Дибя.

Анализируя текст в попытке найти восточные истоки этой концепции, наиболее вероятными кандидатами окажутся иранский шиизм и бабизм. Этимология понятия «Махди» в текстах Фр. Герберта арабская, а само понятие связано с концептами «المهدي» («пророк») и «المنقذ» («спаситель»). В прозе Фр. Херберта контролем чистоты учения Махди занимался «Квизарат», полномочия которого сравнимы с реально существующим в Иране Советом экспертов. Если в классической «Дюне» антропологизация политически и идеологически мотивирована, представляя собой протест религиозных фанатиков против авторитарного режима (в этом контексте, если интерпретировать текст ориенталистски, его можно воспринимать как текст-послание и текст-предчувствие исламской революции в Иране, вызванной, в том числе, и дефицитом демократии предшествующего режима), то в «Дюне: Батлерианский Джихад» антропологизация фактически символизирует традиционность и антитехнократизм через продвижение политически маркированного лозунга «Человек не может быть заменён» («Man may not be replaced»).

Концепция джихада в «Дюне: Батлерианский Джихад» и вовсе становится попыткой литературизации в массовой культуре мифа национализма и национально-освободительного движения, т.к в этом тексте джихад фактически выступает в качестве освободительной борьбы человечества против рабства машин, что, с одной стороны, было попыткой актуализировать идеи популярные в среде американских левых интеллектуалов о справедливости национализма, если он направлен на освобождение угнетенных сообществ-меньшинств, но, с другой, для американской массовой литературы на момент издания романа (2002) эта идея была более чем вторична, т.к. в значительной степени аналогичные мотивы уже успели стать общим местом ряда других проектов поп-культуры.

Предварительные выводы

В первой половине 2000-х гг. американским историком Дж. Мак-Ферсоном, подчеркивалось, что «ревизия является жизненной основой исторической науки. История представляет собой непрерывный диалог между настоящим и прошлым. Интерпретации прошлого могут меняться вследствие нахождения новых исторических данных, появления новых вопросов к уже открытым данным, за счёт лучшего видения прошлого, которое наступает с течением времени. Не существует единой, вечной и неизменной “истины” о событиях прошлого и их значении. Бесконечные попытки историков разобратся в прошлом, по сути “ревизионизм”, как раз и делают историческую науку жизненно важной и значимой» [66, р. 1]. Поэтому, выводы данной статьи носят в некоторой степени ревизионистский характер, т.к. по мнению автора, противоречат неопозитивистским описательным моделям, которые, к сожалению, доминируют в значительном числе формально научных текстов [10; 11], написанных с использованием устаревшего методологического инструментария, что автоматически отражается на общем языке подобных работ, стилистически и содержательно приближая его к советскому историографическому канону и автоматически исключая из современного гуманитарного знания.

Романы цикла «Хроники Дюны» и связанные с ними тексты актуализируют проблему идентичности и аутентичности ориентального. Аутентичен ли воображаемый и изобретаемый в анализируемых романах Ориент? Насколько он соотносится с современным Фр. Херберту идентичным Востоком? Иными словами, что первично – ориенталистская поэтика или рыночная логика фантастики как части массовой литературы общества потребления? Анализируя тексты, формирующие мир Дюны, вероятно, следует признать, что ориентализм в них вторичен, являя и представляя собой изобретенную традицию, одну из самых удачных как с художественной точки зрения, так и с точки зрения рыночной логики попытку актуализации восточного / ориентального в американской фантастической прозе. Несмотря на эту вторичность, ориентализм прозы Фр. Хер-

берта показывает, что американский писатель обладал такими познаниями в истории ислама и Востока (большинство аллюзий прозрачны и достаточно четко прочитываются: джихад, незападные и неевропейские, но в большей степени восточные имена героев, а также описанные культурные, религиозные, музыкальные и этнические реалии), которые позволили ему создать мир-конструкт, успешно ставший «изобретенной традицией».

Анализируемые тексты ставят вопрос как об их генезисе, так и культурном влиянии, интеллектуальных параллелях между Фр. Хербертом как американским писателем и многочисленными восточными интеллектуалами, которые были чрезвычайно активны в политическом и культурном плане в 1960–1970-е гг. Тексты, которые впоследствии сформировали воображаемый мир Дюны, начали издаваться в 1963 г., за 15 лет до выхода «Ориентализма» Э. Саида. В этой ситуации, культурное влияние и соответствующие стимулы со стороны американского ученого вряд ли имели место, да и сам Э. Саид позднее предпочитал анализировать тексты несколько иного свойства и плана, в большей степени относящиеся к «высокой культуре», условной литературной классике (что заметно и в других его работах), а не массовой культуре американской фантастической литературы. Вероятно, в этой ситуации основными стимулами для возникновения мира Дюны, с одной стороны, стали собственные интересы Фр. Херберта, а, с другой, политическая активизация арабского мира, его социальное и культурное пробуждение после второй мировой войны, сопровождавшееся втягиванием в процессы модернизации.

Если принимать парадигму классического ориентализма в версии его основателя, романы из цикла «Дюны» могут быть интерпретированы как типично ориенталистские, т.к. они, подобно более ранним западным текстам, не ставят задачи объективно и реально описать Восток (впрочем, не имеет смысла требовать и ожидать подобного от писателя-фантаста), но лишь воображают, изобретают и конструируют свой собственный Ориент, имитируя и симулируя мусульманские мотивы и оттенки. Тексты, формирующие цикл

«Дюны», ориенталистские и в силу того, что они западные – фактически Фр. Херберт, в большей степени, и его продолжатели, в несколько меньшей, поднимали политически неудобные и идеологически нежелательные вопросы о колониализме, дискриминации и неравноправии и, как следствие, о национальном и религиозном освобождении, т.е. фактически об антиколониальной борьбе для западного общества, когда толерантность была только изобретаемой традицией и не успела стать частью доминирующего культурного дискурса.

Тексты «Дюны» могут быть прочитаны и реинтерпретированы, т.е. подвергнуты ревизии в рамках ориенталистской парадигмы, но этот подход обеспечивает потенциальных исследователей только одним из возможных модусов анализа и интерпретации западных представлений о Востоке как Oriente (Oriente покоренном, Oriente революционном, Oriente религиозном, пребывающем в ожидании махди, и Oriente социально борющимся за справедливость), локализованных в пространствах фантастического дискурса как части массовой литературы общества потребления.

Список литературы

1. Досс Ф. Как сегодня пишется история: взгляд с французской стороны // Как мы пишем историю / отв. ред. Г. Гаррета, Г. Дюфо, Л. Пименова. М.: РОССПЭН, 2013. С. 9-56.
2. Кобрин К., Уваров П. Свобода у историков пока есть. Во всяком случае – есть от чего бежать // Неприкосновенный запас. 2007. № 55. С. 54-72.
3. Кофман А.Ф. Тема варварства в испаноамериканской литературе // Литература двух Америк: Историко-литературный журнал. 2016. № 1. С. 8-49.
4. Кофман А.Ф. Испанский конкистадор. От текста к реконструкции типа личности. М.: ИМЛИ РАН, 2012. 303 с.
5. Копосов Н. Исторические понятия в мире без будущего // Как мы пишем историю / отв. ред. Г. Гаррета, Г. Дюфо, Л. Пименова. М.: РОССПЭН, 2013. С. 57-93.

6. Кром М. Использование понятий в исследованиях по истории допетровской Руси: смена вех и новые ориентиры // Как мы пишем историю / отв. ред. Г. Гаррета, Г. Дюфо, Л. Пименова. М.: РОССПЭН, 2013. С. 94-125.
7. Плешак Д. Белые маски насилия: краткое введение в постколониализм // НОЖ. Интеллектуальный журнал о культуре и обществе. 10.09.2020. <https://knife.media/postcolonial-studies/> (дата обращения: 19.09.2020)
8. Ападурай А. Свободната модерност. Културни измерения на глобализацията / прев. от англ. М. Димитрова, Г. Христов, ред. Е. Тодорова. София: ИК «Лик», 2006. 322 с.
9. Аретов Н. Диалектика на традиционното и модерното в българската национална митология. «Миналото» на Стоян Заимов // Култура и критика. Варна: LiterNet, 2003. Т. 3. Краят на модерността? / съст. А. Вачева, Г. Чобанов. С. 10-27.
10. Ганди Л. Постколониална теория. Критическо въведение / прев. от англ. М. Атанасова. София: Издателство «Кралица Маб», 2005. 221 с.
11. Саид Е. Ориентализмът / прев. Л. Дуков. София: Издателство «Кралица Маб», 1999. 441 с.
12. Саїд Е. Култура й імперіалізм / пер. з англ. К. Ботанова та інші. Київ: Критика, 2007. 608 с.
13. Тодоров Ц. Духът на Просвещението / прев. от френски Т. Атанасова, науч. ред. Ст. Атанасов. София: УИ «Св. Климент Охридски», 2009. 116 с.
14. Abernathy S. Frank Herbert's Dune and Salman Rushdie's Satanic Verses // Medium. 2019. March 24. <https://medium.com/@sidnathy/frank-herberts-dune-and-salman-rushdie-s-satanic-verses-82ddc6af2af1> (дата обращения: 19.09.2020)
15. Ahrens Ch. Muslim Futurism and "Dune" // Charles Center Summer Research Blog. 2019. August 27. <http://ccsummerresearch.blogs.wm.edu/2019/08/27/charles-center-research-1-muslim-futurism-dune/> (дата обращения: 19.09.2020)
16. Amiras M.Z. Amazighité, Arab/Islamic Hegemony, and the Christian Evangelical Challenge // Religion, Politics, and Globalization: Anthro-

- polological Approaches / eds. G. Lindquist, D. Handelman. Oxford: Berghahn Books, 2011, pp. 209-230.
17. Anderson B. Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism. L.: Verso, 1983. 256 p.
  18. Aravamudan S. Enlightenment Orientalism: Resisting the Rise of the Novel. Chicago: The University of Chicago Press, 2011. 360 p.
  19. Ashcroft B., Griffiths G., Tiffin H. (eds.). The Post-Colonial Studies Reader. L.: Routledge, 1994. 526 p.
  20. Asher-Perrin E. The Legacy of Muad'Dib: The Cult That Frank Herbert Never Wanted // Tor.com. 2014. October 8. <https://www.tor.com/2014/10/08/the-legacy-of-muaddib-the-cult-that-frank-herbert-never-wanted/> (дата обращения: 19.09.2020)
  21. Asher-Perrin E. David Lynch's Dune is What You Get When You Build a Science Fictional World With No Interest in Science Fiction // Tor.com. 2017. April 18. <https://www.tor.com/2017/04/18/david-lynchs-dune-is-what-you-get-when-you-build-a-science-fictional-world-with-no-interest-in-science-fiction/> (дата обращения: 19.09.2020)
  22. Asher-Perrin E. Syfy's "Dune" Miniseries is the Most Okay Adaptation of the Book to Date // Tor.com. 2017. May 9. <https://www.tor.com/2017/05/09/syfy-s-dune-miniseries-is-the-most-okay-adaptation-of-the-book-to-date/> (дата обращения: 19.09.2020)
  23. Asher-Perrin E. Why It's Important to Consider Whether Dune Is a White Savior Narrative // Tor.com. 2019. March 6. <https://www.tor.com/2019/03/06/why-its-important-to-consider-whether-dune-is-a-white-savior-narrative/> (дата обращения: 19.09.2020)
  24. Baheyeldin Kh. Arabic and Islamic themes in Frank Herbert's "Dune" // The Baheyeldin Dynasty. The journey for wisdom starts with knowledge. 2004. January 22. <https://baheyeldin.com/literature/arabic-and-islamic-themes-in-frank-herberts-dune.html> (дата обращения: 19.09.2020)
  25. Baucom I. Out of Place: Englishness, Empire and the Locations of Identity. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1999. 260 p.
  26. Berger W. Cover Story: Where Spice of Life Is the Vital Variety // The New York Times. 2013. March 16. <https://www.nytimes.com/2003/03/16/tv/cover-story-where-spice-of-life-is-the-vital-variety.html> (дата обращения: 19.09.2020)

27. Bhabha H. *The Location of Culture*. L.: Routledge, 1994. 409 p.
28. Bhabha H. *Nation and Narration*. L.: Routledge, 1990. 352 p.
29. Blanch L. *The Sabres of Paradise: Conquest and Vengeance in the Caucasus*. L. – NY.: Bookblast Publishing, 2015. 488 p.
30. Chambers I., Curti L. *The Post-colonial Question: Common Skies, Divided Horizons*. L.: Routledge, 1996. 269 p.
31. Collins W. *The Secret History of “Dune”* // *Los Angeles Review of Books*. 2017. September 16. <https://lareviewofbooks.org/article/the-secret-history-of-dune/> (дата обращения: 19.09.2020)
32. DiTommaso L. *History and Historical Effect in Frank Herbert’s “Dune”* // *Science Fiction Studies*. 1992. Vol. 19. No 3. P. 311 – 325.
33. *Dune Companion* / eds. D.E. Palumbo, C.W. Sullivan III. NY.: McFarland & Company, 2018. 197 p.
34. Elderkin B. *A Guide To Dune’s Strange And Intense Religions*, Gizmodo. *The News Of Tomorrow* // *Today*. 2020. May 22. <https://www.gizmodo.com.au/2020/05/a-guide-to-dunes-strange-and-intense-religions/> (дата обращения: 19.09.2020)
35. Fadil al-Fadil, Al-huiat al-earabiat wal‘amn al-lughwi: fi shaqqa‘ lughatina (Arab identity and linguistic security: towards the poverty of our language) // *Al-Araby al-Jadeed*. 2014. August 28. (in Arab)
36. Flint H. “Dune” and religious appropriation // *SyFyWire*. 2019. April 21. <https://www.syfy.com/syfywire/dune-and-religious-appropriation> (дата обращения: 19.09.2020)
37. Flint H. *Why Arab and Islamic representation matters in the new “Dune”* // *SyFyWire*. 2019. February 13. <https://www.syfy.com/syfywire/why-arab-and-islamic-representation-matters-in-the-new-dune> (дата обращения: 19.09.2020)
38. Fritz S. *Dune: Remaking the Classic Novel* // *Cinescape*. 2000. December 4. http://www.mania.com/dune-remaking-classic-novel_article_26343.html (дата обращения: 19.09.2020)
39. Herbert Br. *Dreamer of Dune: The Biography of Frank Herbert*. NY.: Tor Books, 2004. 592 p.
40. Herbert Br., Anderson K.J. *Dune: House Atreides*. NY.: Spectra, 1999. 624 p.

41. Herbert Br., Anderson K.J. *Dune: House Corrino*. NY.: Spectra, 2000. 512 p.
42. Herbert Br., Anderson K.J. *Dune: House Harkonnen*. NY.: Spectra, 1999. 624 p.
43. Herbert Br., Anderson K.J. *Dune: The Butlerian Jihad*. NY.: Tor Books, 2002. 624 p.
44. Herbert Br., Anderson K.J. *Dune: The Machine Crusade*. NY.: Tor Books, 2002. 624 p.
45. Herbert Br., Anderson K.J. *Hunters of Dune*. NY.: Tor Books, 2006. 528 p.
46. Herbert Br., Anderson K.J. *Mentats of Dune*. NY.: Tor Books, 2014. 448 p.
47. Herbert Br., Anderson K.J. *Navigators of Dune*. NY.: Tor Books, 2016. 448 p.
48. Herbert Br., Anderson K.J. *Sandworms of Dune*. NY.: Tor Books, 2007. 496 p.
49. Herbert Br., Anderson K.J. *Sisterhood of Dune*. NY.: Tor Books, 2012. 496 p.
50. Herbert Fr. *Chapterhouse: Dune*. NY.: Putnam Publishing, 1985. 464 p.
51. Herbert Fr. *Children of Dune*. NY.: Putnam Publishing, 1976. 444 p.
52. Herbert Fr. *Dune Messiah*. NY.: Putnam Publishing, 1969. 256 p.
53. Herbert Fr. *Dune*. NY.: Chilton Books, 1965. 412 p.
54. Herbert Fr. *God Emperor of Dune*. NY.: Putnam Publishing, 1981. 411 p.
55. Herbert Fr. *Heretics of Dune*. NY.: Putnam Publishing, 1984. 683 p.
56. Herman P. *The Blackness of Liet-Kynes: Reading Frank Herbert's Dune Through James Cone // Religions*. 2018. Vol. 9. No 9. <https://www.mdpi.com/2077-1444/9/9/281/htm> (дата обращения: 19.09.2020)
57. Iwamura J. *Virtual Orientalism: Asian Religions and American Popular Culture*. Oxford: Oxford University Press, 2011. 214 p.
58. Jameson F. *Postmodernism, or, The Cultural Logic of Late Capitalism*. Durham: Duke University Press, 1991. 438 p.
59. King R. *Orientalism and Religion: Post-Colonial Theory, India and "The Mystic East"*. L. – NY.: Routledge, 1999. 296 p.
60. Kunzru H. *Dune, 50 years on: how a science fiction novel changed the world // The Guardian*. 2015. July 3. <https://www.theguardian.com/books/2015/jul/03/dune-50-years-on-science-fiction-novel-world> (дата обращения: 19.09.2020)

61. Lacroix I. Les enseignements de Dune: Enjeux actuels dans l'oeuvre phare de Frank Herbert. Quebec City: Presses de l'Université du Québec, 2020. 253 p.
62. List J. "Call me a Protestant": Liberal Christianity, Individualism, and the Messiah in *Stranger in a Strange Land*, *Dune*, and *Lord of Light* // *Science Fiction Studies*. 2009. Vol. 36. No 107. March. <https://www.depauw.edu/sfs/backissues/107/list107.htm> (дата обращения: 19.09.2020)
63. Lockman Z. *Contending Visions of the Middle East: The History and Politics of Orientalism*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 344 p.
64. MacKenzie J.M. *Orientalism: History, Theory and the Arts*. Manchester: Manchester University Press, 1995. 256 p.
65. Mahna al-Habil, Al-tmrrd ealaa al'akadimiat al-gharbiat bayn Hilaq wa Saeid (Revolt against the Western Academy: between Hallaq and Said) // *Al-Araby al-Jadeed*. 2020. December 1. (in Arab)
66. McPherson J. Revisionist Historians // *Perspectives on History: newsmagazine of the American Historical Association*. 2003. Vol. 41. No 6. 2003. P. 1.
67. Morton T. Imperial Measures: *Dune*, Ecology and Romantic Consumerism // *Romanticism on the Net*. 2001. February. No 21 (Romanticism and Science Fictions). URL.: <https://www.erudit.org/en/journals/ron/1900-v1-n1-ron433/005966ar/>
68. Muhamad Hafiz Yaequb, Al-hwyt walhryt wnhn (Identity, Freedom and Us) // *Al-Araby al-Jadeed*. 2020. April 19. (in Arab)
69. Murphy S. Building the Perfect DUNE // *Video Watchdog*. 2014. December 15. <http://www.figmentfly.com/published/dunearticle.html> (дата обращения: 19.09.2020)
70. *Orientalism: A Reader* / ed. A. Macfie. NY.: NYU Press, 2011. 400 p.
71. Quinn R. *An Analysis of Edward Said's Orientalism*. L. – NY.: Macat, 2017. 108 p.
72. Said E.W. *Orientalism*. L. – NY.: Pantheon Books, 1978. 368 p.
73. Shelton M. *Mysteries of Dune: Sufism, Psychedelics, and the Prediction of Frank Herbert*. NY.: Temple of Justice Books, 2020. 74 p.
74. Spivak G. *Critical Intimacy: An Interview with Gayatri Chakravorty Spivak*. Steve Paulson interviews Gayatri Chakravorty Spivak // *Los Angeles Review of Books*. 2016. July 29. <https://lareviewofbooks.org/>

- article/critical-intimacy-interview-gayatri-chakravorty-spivak/ (дата обращения: 19.09.2020)
75. Strasser Br. David Lynch reveals his battle tactics // *Prevue*. 2013. January 18. <http://www.thecityofabsurdity.com/dune/duneprevue.html> (дата обращения: 19.09.2020)
76. *The Dune Encyclopedia: The Complete, Authorized Guide and Companion to Frank Herbert's Masterpiece of the Imagination* / eds. Fr. Herbert, W.E. McNelly. NY.: Berkley Books, 1984. 526 p.
77. *The Invention of Tradition* / Eds. E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 324 p.
78. *The Science of Dune: An Unauthorized Exploration into the Real Science Behind Frank Herbert's Fictional Universe* / ed. K.R. Grazier. NY.: Smart Pop Press, 2007. 232 p.
79. Ujayli L., Ujayli Z. What "Dune" and us foreign policy have in common. They both sideline Arab voice // *Inkstick*. 2020. September 10. <https://inkstickmedia.com/what-dune-and-us-foreign-policy-have-in-common/> (дата обращения: 19.09.2020)
80. Usamat abu Arshyd, Maearik al'iilgha' wal'iiqsa' bayn "elimaniayna" wa "islamiyin" (Battles to undo the distinction between "secularists" and "Islamists") // *Al-Araby al-Jadeed*. 2020. July 31. (in Arab)
81. Vandeviver N. *Edward Said and the Authority of Literary Criticism*. L. – NY.: Palgrave Macmillan, 2017. 362 p.
82. Varisco D.M. *Reading Orientalism: Said and the Unsaid*. Washington: University of Washington Press, 2017. 530 p.
83. Warraq I. *Defending the West: A Critique of Edward Said's Orientalism*. NY.: Prometheus, 2007. 500 p.
84. Wayil Qandyl, Al-diyn walthawrat fi mahraqat al-mustalahat (Religion and Revolution in Holocaust Terminology) // *Al-Araby al-Jadeed*. 2020. August 05. (in Arab)
85. Williams K. *Wisdom of the Sand: Philosophy and Frank Herbert's Dune*. NY.: Hampton Press, 2013. 226 p.

References

1. Doss F. Kak segodnya pishetsya istoriya: vzglyad s frantsuzskoy storony [How history is written today: a view from the French side]. *Kak*

- my pishem istoriyu* [How we write history] / eds. G. Garreta, G. Dufuot, L. Pimenova. M.: ROSSPEN, 2013, pp. 9-56.
2. Kobrin K., Uvarov, P. Svoboda u istorikov poka yest'. Vo vsyakom sluchaye – yest' ot chego bezhat' [Historians still have freedom. In any case - there is something to run from]. *Neprikosnovennyy zapas* [Emergency ration], 2007, no. 55, pp. 54-72.
  3. Kofman A. Tema varvarstva v ispanoamerikanskoj literature [The topic of barbarism in Spanish-American literature], *Literatura dvukh Amerik: Istoriko-literaturnyy zhurnal* [Literature of the Americas: Historical and literary Journal], 2016, no. 1, pp. 8-49.
  4. Kofman A. *Ispanskiy konkistador. Ot teksta k rekonstruktsii tipa lichnosti* [Spanish conquistador. From text to personality type reconstruction]. M.: IMLI RAN, 2012, 303 p.
  5. Koposov N. Istoricheskiye ponyatiya v mire bez budushchego [Historical concepts in a world without a future]. *Kak my pishem istoriyu* [How we write history] / eds. G. Garreta, G. Dufuot, L. Pimenova. M.: ROSSPEN, 2013, pp. 57-93.
  6. Krom M. Ispol'zovaniye ponyatij v issledovaniyakh po istorii dopedrovskoy Rusi: smena vekh i novyye oriyentiry [The use of concepts in research on the history of pre-Petr Rus: a change of landmarks and new landmarks]. *Kak my pishem istoriyu* [How we write history] / eds. G. Garreta, G. Dufuot, L. Pimenova. M.: ROSSPEN, 2013, pp. 94-125.
  7. Pleshak D. Belye maski nasilija: kratkoe vvedenie v postkolonializm [White masks of violence: a short introduction to post-colonialism]. *NOZH. Intellectual magazine about culture and society* [KNIFE. Intellectual magazine about culture and society], 2020, September 10. <https://knife.media/postcolonial-studies/> (accessed 19.09.2020)
  8. Apadurāi A. *Svobodnata modernost. Kulturni izmerenija na globalizatsijata* [Free modernity. Cultural dimensions of globalization]. Sofia: IK «Lik», 2006, 322 p.
  9. Aretov N. Dialektika na traditsionnoto i modernoto v bülgarskata natsionalna mitologiya. “Minaloto” na Stoyan Zaimov [Dialectics of the traditional and the modern in the Bulgarian national mythology. “The Past” by Stoyan Zaimov]. A. Vacheva, G. Chobanov (eds). *Kultura i kri-*

- tika. Krajat na modernostta?* [Culture and critics. End of modernity?]. Varna: LiterNet, 2003, pp. 10-27.
10. Gandhi L. *Postkolonialna teorija. Kritichesko vïvedenie* [Postcolonial theory. Critical introduction]. Sofia: Izdatelstvo «Kralitsa Mab», 2005, 221 p.
  11. Said E. *Orientalizmït* [Orientalism]. Sofia: Izdatelstvo «Kralitsa Mab», 1999, 441 p.
  12. Sajiid E. *Kul'tura j imperijalizm* [Culture and imperialism]. Kyjiv: Krytyka, 2007, 608 p.
  13. Todorov Ts. *Dukhït na Prosveshthenieto* [The Spirit of the Enlightenment]. Sofia: UI «Sv. Kliment Okhridski», 2009, 116 p.
  14. Abernathy S. Frank Herbert's Dune and Salman Rushdie's Satanic Verses, *Medium*, 2019, March 24. <https://medium.com/@sidnathy/frank-herberts-dune-and-salman-rushdie-s-satanic-verses-82ddc6af2af1> (accessed 19.09.2020)
  15. Ahrens Ch. Muslim Futurism and "Dune", *Charles Center Summer Research Blog*, 2019, August 27. <http://ccsummerresearch.blogs.wm.edu/2019/08/27/charles-center-research-1-muslim-futurism-dune/> (accessed 19.09.2020)
  16. Amiras M.Z. Amazighité, Arab/Islamic Hegemony, and the Christian Evangelical Challenge, Lindquist G., Handelman D. (eds.), *Religion, Politics, and Globalization: Anthropological Approaches*. Oxford: Berghahn Books, 2011, pp. 209-230.
  17. Anderson B. *Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism*. L.: Verso, 1983, 256 p.
  18. Fadil al-Fadil, Al-huiat al-earabiat wal'amn al-lughwi: fi shaqqa' lughatina (Arab identity and linguistic security: towards the poverty of our language), *Al-Araby al-Jadeed*, 2014, August 28.
  19. Mahna al-Habil, Al-tmrrd ealaa al'akadimiat al-gharbiat bayn Hilaq wa Saeid (Revolt against the Western Academy: between Hallaq and Said), *Al-Araby al-Jadeed*, 2020, December 1.
  20. McPherson J. Revisionist Historians, *Perspectives on History: news-magazine of the American Historical Association*, 2003, vol. 41, no 6, 2003, p. 1.

21. Muhamad Hafiz Yaequb, Al-hwyt walhryt wnhn (Identity, Freedom and Us), *Al-Araby al-Jadeed*, 2020, April 19.
22. Usamat abu Arshyd, Maearik al'iilgha' wal'iiqsa' bayn "elimaniayna" wa "islamiyin" (Battles to undo the distinction between "secularists" and "Islamists"), *Al-Araby al-Jadeed*, 2020, July 31.
23. Wayil Qandyl, Al-diyn walthawrat fi mahraqat al-mustalahat (Religion and Revolution in Holocaust Terminology), *Al-Araby al-Jadeed*, 2020, August 05.
24. Aravamudan S. *Enlightenment Orientalism: Resisting the Rise of the Novel*. Chicago: The University of Chicago Press, 2011, 360 p.
25. Ashcroft B., Griffiths G., Tiffin H. (eds.). *The Post-Colonial Studies Reader*. L.: Routledge, 1994, 526 p.
26. Asher-Perrin E. The Legacy of Muad'Dib: The Cult That Frank Herbert Never Wanted, *Tor.com*. 2014, October 8. <https://www.tor.com/2014/10/08/the-legacy-of-muaddib-the-cult-that-frank-herbert-never-wanted/> (accessed 19.09.2020)
27. Asher-Perrin E. David Lynch's Dune is What You Get When You Build a Science Fictional World With No Interest in Science Fiction, *Tor.com*, 2017a, April 18. <https://www.tor.com/2017/04/18/david-lynchs-dune-is-what-you-get-when-you-build-a-science-fictional-world-with-no-interest-in-science-fiction/> (accessed 19.09.2020)
28. Asher-Perrin E. Syfy's "Dune" Miniseries is the Most Okay Adaptation of the Book to Date, *Tor.com*. 2017b, May 9. <https://www.tor.com/2017/05/09/syfy-s-dune-miniseries-is-the-most-okay-adaptation-of-the-book-to-date/> (accessed 19.09.2020)
29. Asher-Perrin E. Why It's Important to Consider Whether Dune Is a White Savior Narrative, *Tor.com*. 2019, March 6, <https://www.tor.com/2019/03/06/why-its-important-to-consider-whether-dune-is-a-white-savior-narrative/> (accessed 19.09.2020)
30. Baheyeldin Kh. Arabic and Islamic themes in Frank Herbert's "Dune", *The Baheyeldin Dynasty. The journey for wisdom starts with knowledge*. 2004, January 22, <https://baheyeldin.com/literature/arabic-and-islamic-themes-in-frank-herberts-dune.html> (accessed 19.09.2020)
31. Baucom I. *Out of Place: Englishness, Empire and the Locations of Identity*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1999. 260 p.

32. Berger W. Cover Story: Where Spice of Life Is the Vital Variety, *The New York Times*, 2013, March 16. <https://www.nytimes.com/2003/03/16/tv/cov-er-story-where-spice-of-life-is-the-vital-variety.html> (accessed 19.09.2020)
33. Bhabha H. *The Location of Culture*. L.: Routledge, 1994, 409 p.
34. Bhabha H. *Nation and Narration*. L.: Routledge, 1990, 352 p.
35. Blanch L. *The Sabres of Paradise: Conquest and Vengeance in the Caucasus*. L. – NY.: Bookblast Publishing, 2015, 488 p.
36. Chambers I., Curti L. *The Post-colonial Question: Common Skies, Divided Horizons*. L.: Routledge, 1996, 269 p.
37. Collins W. The Secret History of “Dune”, *Los Angeles Review of Books*. 2017, September 16. <https://lareviewofbooks.org/article/the-secret-history-of-dune/> (accessed 19.09.2020)
38. DiTommaso L. History and Historical Effect in Frank Herbert’s “Dune”, *Science Fiction Studies*. 1992, vol. 19, no 3, pp. 311 – 325.
39. Elderkin B. A Guide To Dune’s Strange And Intense Religions, *Gizmodo. The News Of Tomorrow, Today*, 2020, May 22. <https://www.gizmodo.com.au/2020/05/a-guide-to-dunes-strange-and-intense-religions/> (accessed 19.09.2020)
40. Flint H. “Dune” and religious appropriation, *SyFyWire*, 2019a, April 21. <https://www.syfy.com/syfywire/dune-and-religious-appropriation> (accessed 19.09.2020)
41. Flint H. Why Arab and Islamic representation matters in the new “Dune”, *SyFyWire*, 2019b, February 13. <https://www.syfy.com/syfywire/why-arab-and-islamic-representation-matters-in-the-new-dune> (accessed 19.09.2020)
42. Fritz S. Dune: Remaking the Classic Novel, *Cinescape*, 2000, December 4. http://www.mania.com/dune-remaking-classic-novel_article_26343.html (accessed 19.09.2020)
43. Grazier K.R. (ed.). *The Science of Dune: An Unauthorized Exploration into the Real Science Behind Frank Herbert’s Fictional Universe*. NY.: Smart Pop Press, 2007, 232 p.
44. Herbert Br. *Dreamer of Dune: The Biography of Frank Herbert*. NY.: Tor Books, 2004, 592 p.
45. Herbert Br., Anderson K.J. *Dune: House Atreides*. NY.: Spectra, 1999a, 624 p.

46. Herbert Br., Anderson K.J. *Dune: House Harkonnen*. NY.: Spectra, 1999b, 624 p.
47. Herbert Br., Anderson K.J. *Dune: House Corrino*. NY.: Spectra, 2000, 512 p.
48. Herbert Br., Anderson K.J. *Dune: The Battle of Corrin*. NY.: Tor Books, 2002a, 620 p.
49. Herbert Br., Anderson K.J. *Dune: The Butlerian Jihad*. NY.: Tor Books, 2002b, 624 p.
50. Herbert Br., Anderson K.J. *Dune: The Machine Crusade*. NY.: Tor Books, 2002c, 624 p.
51. Herbert Br., Anderson K.J. *Hunters of Dune*. NY.: Tor Books, 2006, 528 p.
52. Herbert Br., Anderson K.J. *Mentats of Dune*. NY.: Tor Books, 2014, 448 p.
53. Herbert Br., Anderson K.J. *Navigators of Dune*. NY.: Tor Books, 2016, 448 p.
54. Herbert Br., Anderson K.J. *Sandworms of Dune*. NY.: Tor Books, 2007, 496 p.
55. Herbert Br., Anderson K.J. *Sisterhood of Dune*. NY.: Tor Books, 2012, 496 p.
56. Herbert Fr. *Chapterhouse: Dune*. NY.: Putnam Publishing, 1985, 464 p.
57. Herbert Fr. *Children of Dune*. NY.: Putnam Publishing, 1976, 444 p.
58. Herbert Fr. *Dune Messiah*. NY.: Putnam Publishing, 1969, 256 p.
59. Herbert Fr. *Dune*. NY.: Chilton Books, 1965, 412 p.
60. Herbert Fr. *God Emperor of Dune*. NY.: Putnam Publishing, 1981, 411 p.
61. Herbert Fr. *Heretics of Dune*. NY.: Putnam Publishing, 1984, 683 p.
62. Herbert Fr., McNelly W.E. (eds.). *The Dune Encyclopedia: The Complete, Authorized Guide and Companion to Frank Herbert's Masterpiece of the Imagination*. NY.: Berkley Books, 1984, 526 p.
63. Herman P. The Blackness of Liet-Kynes: Reading Frank Herbert's Dune Through James Cone, *Religions*, 2018, vol. 9, no 9. <https://www.mdpi.com/2077-1444/9/9/281/htm> (accessed 19.09.2020)
64. Hobsbawm E., Ranger T. (eds.). *The Invention of Tradition*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983, 324 p.
65. Iwamura J. *Virtual Orientalism: Asian Religions and American Popular Culture*. Oxford: Oxford University Press, 2011, 214 p.

66. Jameson F. *Postmodernism, or, The Cultural Logic of Late Capitalism*. Durham: Duke University Press, 1991, 438 p.
67. King R. *Orientalism and Religion: Post-Colonial Theory, India and "The Mystic East"*. L. – NY.: Routledge, 1999, 296 p.
68. Kunzru H. Dune, 50 years on: how a science fiction novel changed the world, *The Guardian*, 2015, July 3. <https://www.theguardian.com/books/2015/jul/03/dune-50-years-on-science-fiction-novel-world>
69. Lacroix I. *Les enseignements de Dune: Enjeux actuels dans l'oeuvre phare de Frank Herbert*. Quebec City: Presses de l'Université du Québec, 2020, 253 p.
70. List J. "Call me a Protestant": Liberal Christianity, Individualism, and the Messiah in *Stranger in a Strange Land*, *Dune*, and *Lord of Light*, *Science Fiction Studies*, 2009, Vol. 36, No 107. March. <https://www.depauw.edu/sfs/backissues/107/list107.htm> (accessed 19.09.2020)
71. Lockman Z. *Contending Visions of the Middle East: The History and Politics of Orientalism*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009, 344 p.
72. Macfie A.L. (ed.). *Orientalism: A Reader*. NY.: NYU Press, 2011, 400 p.
73. MacKenzie J.M. *Orientalism: History, Theory and the Arts*. Manchester: Manchester University Press, 1995, 256 p.
74. Morton T. Imperial Measures: Dune, Ecology and Romantic Consumerism, *Romanticism on the Net*, 2001, February, No 21 (Romanticism and Science Fictions). <https://www.erudit.org/en/journals/ron/1900-v1-n1-ron433/005966ar/> (accessed 19.09.2020)
75. Murphy S. Building the Perfect DUNE, *Video Watchdog*. 2014, December 15. <http://www.figmentfly.com/published/dunearticle.html> (accessed 19.09.2020)
76. Quinn R. *An Analysis of Edward Said's Orientalism*. L. – NY.: Macat, 2017, 108 p.
77. Said E.W. *Orientalism*. L. – NY.: Pantheon Books, 1978, 368 p.
78. Shelton M. *Mysteries of Dune: Sufism, Psychedelics, and the Prediction of Frank Herbert*. NY.: Temple of Justice Books, 2020, 74 p.
79. Spivak G. Critical Intimacy: An Interview with Gayatri Chakravorty Spivak. Steve Paulson interviews Gayatri Chakravorty Spivak, *Los An-*

- geles Review of Books*, 2016, July 29. <https://lareviewofbooks.org/article/critical-intimacy-interview-gayatri-chakravorty-spivak/> (accessed 19.09.2020)
80. Strasser Br. David Lynch reveals his battle tactics, *Prevue*. 2013, January 18. <http://www.thecityofabsurdity.com/dune/duneprevue.html> (accessed 19.09.2020)
81. Ujayli L., Ujayli Z. What “Dune” and us foreign policy have in common. They both sideline Arab voice, *Inkstick*, 2020, September 10. <https://inkstickmedia.com/what-dune-and-us-foreign-policy-have-in-common/>
82. Vandeviver N. *Edward Said and the Authority of Literary Criticism*. L. – NY.: Palgrave Macmillan, 2017, 362 p.
83. Varisco D.M. *Reading Orientalism: Said and the Unsaid*. Washington: University of Washington Press, 2017, 530 p.
84. Warraq I. *Defending the West: A Critique of Edward Said’s Orientalism*. NY.: Prometheus, 2007, 500 p.
85. Williams K. *Wisdom of the Sand: Philosophy and Frank Herbert’s Dune*. NY.: Hampton Press, 2013, 226 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Кирчанов Максим Валерьевич, доктор исторических наук, доцент Кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
ул. Пушкинская 16, 394000, Воронеж, Российская Федерация
maksymkyrchanoff@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Kyrchanoff Maksym W., DrSci in History, Associate Professor, Department of Regional Studies and Foreign Countries Economies
Voronezh State University
16, Pushkinskaya, Voronezh, 394000, Russian Federation
maksymkyrchanoff@gmail.com
SPIN-code: 6547-1027
ORCID: 0000-00033819-3103